

азовского „сидения“ в 1623 г. совершили набег на самый Царьград и нанесли ему значительный урон.¹

По Исторической повести, возникшей также в среде казачества,² взятие Азова с самого начала рассматривалось как „богоугодное“ предприятие, направленное на освобождение исконно христианского города и имеющее в своей перспективе стремление к движению на Царьград и даже Иерусалим. Поэтическая повесть выступает в этом отношении как прямое продолжение повести Исторической. Казаки заявляют, что Азов они взяли „для опыту, коковы оне люди турецкия в городках от нас съдят“, собираются сами теперь отсидеться „для опыту же“ и не упускают из виду якобы настоящей дальнейшей своей цели: „а все примѣняемся к Ерусалиму и к Царю граду, потому что было царство крестьянское“ (137). И дальше — „взять бы ныне нам Царьград взятъем...“ и т. д. Автор рисовал тем самым перед московскими читателями широкие, как ему казалось, горизонты, которые будто бы уже обозначились успехом первого „опыта“ — победоносной борьбой казаков за Азов. Азовские победы осознавались в этом отношении как начало осуществления казаками, „людьми божьими“, особой миссии по выполнению долга всех „православных христиан“, а следовательно, и Москвы, как центра православия, преемницы „второго Рима“. Более того, автор рисует перспективу конкретных военных возможностей и устами казаков говорит, что если бы только царь захотел, то одни лишь люди — „украинцы“ разгромили бы Турцию и был бы „за ним, великим государем, одньмь лѣтомъ Ерусалимъ и Царьград по прежнему...“ (140). Здесь уже эта идея рассматривается не в отвлеченном свете освобождения „христиан“, но политически осмысливается как возвращение „под руку государеву“ будто бы его собственных земель.

Завоевание Азова, как первый удачный шаг на этом пути, должно было получить, как, вероятно, казалось автору, высшее политическое одобрение в глазах московских читателей. Но вся беда была в том, что именно эти идеи и планы резко противоречили московской внешней политике в 1641—1642 гг. Горячая приверженность автора к казачеству настолько увлекла его, что он в пылу полемики не прислушался с должным вниманием к той все более крепнущей политике „дружбы и любви“ между царем и султаном, которая не только делала совершенно одиозными всякие мысли о „крестовом походе“, но и вылилась в конце концов в приказ царя Войску Донскому — „Азов покинуть“. Результаты этого авторского промаха, как и резкие выпады против бояр, и вся эта слишком смелая в условиях того времени идеологическая защита интересов Войска не преминули сказаться. Все „станичники“ Наума Васильева

¹ В. М. Истрин. Греческая запись о нападении казаков на Константинополь в начале XVII века. Зап. Одесск. общ. ист. и древн., т. XXI, 1898, отд. V, стр. 51—52.

² Акад. А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.—Л., 1945, стр. 330.